

О ЯЗЫКОВОЙ И ДИСКУРСИВНОЙ СЕМАНТИКЕ В РАЗНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ

I. I. СТЕПАНЧЕНКО. ПРО МОВНУ ТА ДИСКУРСИВНУ СЕМАНТИКУ В РІЗНИХ ЛІНГВІСТИЧНИХ ПАРАДИГМАХ

Розглядаються теоретичні положення структуральної та функціональної лінгвістичних парадигм щодо межмовного та позамовного в семантиці слова та змісті дискурсу. З огляду на структуральну парадигму в семантиці слова і змісті дискурсу мовне та позамовне – відображення ознак оточуючої дійсності і в цьому плані однопорядкові явища. З функціональної точки зору, яка спирається на дані психології, фізіології та інших наук про людину, мова та мислення – різні й одночасно тісно пов'язані системи, що базуються на різних закономірностях: в основі суто мовної семантики лежать закони оперування вербальними образами, які регулюються мовою, в основі образно-понятійної (мисленневої) системи лежать закони оперування «предметними» образами, в яких реалізовано знання людини про світ. Зміст дискурсу в комунікативному акті містить обидві системи, які в різних дискурсах співпадають у різній мірі. Функціональна модель мови розглядається як більш близька до модельованого об'єкту, ніж структуральна.

Ключові слова: семантика, мова, мислення, комунікативний акт, функціональна парадигма.

I. I. СТЕПАНЧЕНКО. О ЯЗЫКОВОЙ И ДИСКУРСИВНОЙ СЕМАНТИКЕ В РАЗНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ

Рассматриваются теоретические положения структуральной и функциональной лингвистических парадигм, касающиеся границ языкового и неязыкового в семантике слова и содержании дискурса. С точки зрения структуральной парадигмы в семантике слова и содержании дискурса языковое и неязыковое – отражение признаков окружающей действительности и в этом отношении однопорядковые явления. С функциональной точки зрения, опирающейся на данные психологии, физиологии и других наук о человеке, язык и мышление представляют собой различные и в то же время тесно связанные системы, основанные на разных закономерностях: в основе собственно языковой семантики лежат законы оперирования вербальными образами, регулируемые языком, а в основе образно-понятійной (мыслительной) системы лежат законы оперирования «предметными» образами, в которых реализованы знания человека о мире. Содержание дискурса в коммуникативном акте включает в себя обе системы, которые в разных дискурсах совмещаются в различной степени. Функциональная модель языка рассматривается как более близкая к моделируемому объекту, чем структуральная.

Ключевые слова: семантика, язык, мышление, коммуникативный акт, функциональная парадигма.

I. STEPANCHENKO. ABOUT LANGUAGE AND DISCOURSE SEMANTICS IN DIFFERENT LINGUISTIC PARADIGMS

The article addresses to the theoretical position of the structural and functional linguistic paradigms concerning the boundaries of linguistic and non-linguistic in words semantics and content of discourse. In the terms of the structural paradigm the linguistic and nonlinguistic (reflections of reality signs) in word semantics and content of discourse are the same order phenomena.

From a functional point of view, based on the data of psychology, physiology and other human sciences, language and intellection are different, but at the same time closely related systems based on different laws. The basis of the actual linguistic semantics is laws of verbal images operating, regulated with language. But the basis of image-based conceptual (mental) system is laws of "substantive" images operating which reflect knowledge about the world. Thus, the rules of names' operating are complicated with links between "substantive" images in the discourse (speech, text). In this case we observe the overlap between the laws of the language system organization and the opera-

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.33563>

ting laws of "substantive" images, that the laws of intellection. Therefore, discursive semantics is more difficult than language one, but the difficulty is not about increasing the number of the same order (according to the language system) structures. This difficulty is motivated with the participation of another system, differed from the language one.

Both systems that are included in the discourse content in a communicative act are overlapped in varying degrees in different discourses.

The functional model of language is seemed to be closer to the modeled object than a structural one.

Keywords: *semantics, language, intellection, communicative act, the functional paradigm.*

Проблемы семантики, в том числе проблема разграничения семантики языка и дискурса, всегда были в центре внимания лингвистов. В разных лингвистических парадигмах семантика, являясь центральной категорией науки о языке, получала различные определения. Обзор таких определений можно найти в многочисленных монографиях и диссертационных исследованиях (см., напр., [4]).

Цель данной статьи – сопоставить представления о различии языковой и дискурсивной семантики в традиционной (структуральной) и развивающейся в рамках современного лингвистического антропоцентризма функциональной лингвистических парадигмах.¹

Развитие антропоцентрической лингвистики обострило интерес к анализу семантики слова и дискурса представителями других наук, в частности – психологов и физиологов. На новом витке развития лингвистики вновь стал актуальным вопрос о языке и мышлении, связи языковых и мыслительных категорий в содержании слова и дискурса с учетом экстралингвистических сведений о сущности процесса коммуникации.

Большинство исследователей признает в качестве обязательного условия успешного анализа процессов понимания дискурса «необходимость выхода за рамки чистой лингвистики в область экстралингвистических знаний индивида и в сферу психических процессов, непосредственно связанных с репрезентацией знаний человека, с организацией знаний и особенностями их хранения и извлечения» [6, с. 3].

Вывод о том, что семантика слова и содержание текста в акте коммуникации формируются при участии двух систем – языка и мышления, не нов и в разные периоды развития науки разделялся большинством ученых. Например, в известных работах Вернике [2] мышление и речь рассматриваются как различные, хотя и тесно связанные функции мозга на основании изучения разных видов афазии, при которых сохраняется мышление, но отсутствует связная речь. Впрочем, начиная с древности и до наших дней, развивается и противоположная теория языкового мышления, сторонники которой признают тождество мышления и языка. Так, М. Мюллер на этот счет, например, высказывается вполне определенно: нет ума без языка, как нет языка без ума [7]. Соответственно изучение прогресса человеческого мышления должно быть сведено к изучению истории языка. С последней точкой зрения согласиться трудно. По словам Ж. Пиаже, «языка недостаточно, чтобы объяснить мышление, потому что структуры, характеризующие мышление, коренятся в действиях и сенсомоторных механизмах, более глубоких, чем языковые» (Цит. по: [19, с. 98]).

В структуральной лингвистической парадигме вопрос о связи дискурсивной и языковой семантики по существу остается открытым. Центральными, методологически значимыми в данной парадигме остаются положения, согласно которым в тексте (дискурсе), особенно художественном, языковая семантика претерпевает «обосложнение» [8], т.е. меняется под влиянием нестандартных системных связей слов, в целом же семантика дискурса в той или иной степени определяется языковой семантикой единиц, входящих в его состав. При этом роль мыслительных единиц не до конца ясна, поскольку не до конца ясно, где проходит граница между единицами языка и мышления, что в содержании текста относится собственно к языку, а что выходит за его пределы и включается в компетенцию мышления и каковы в связи с этим возможности лингвистического анализа текста.

Так, например, согласно определению И. Р. Гальперина текст состоит из сверхфразовых единств (хотя и не сводится к их сумме) – очевидно, и в плане содержания, и в плане

¹ О функциональной парадигме см., в частности, [15], [18]

выражения [3, с. 13]. В конечном счете, и в тексте, и вне текста семантика единицы языка определяется отражением в ней существенных признаков явлений внешнего мира.

Рассматриваемая таким образом лексическая семантика по существу отождествляется с понятием как формой мышления. Ср. следующие определения. «Понятие – отображенное в мышлении единство существенных свойств, связей и отношений предметов или явлений; мысль или система мыслей, выделяющая и обобщающая предметы некоторого класса — называемая (лексическим) значением слова, – это не научное, а «наивное» (по Л. В. Щербе – «обывательское») понятие о соответствующей вещи, иногда отягощенное смысловыми и эмоциональными ассоциациями, не соответствующими каким-либо существенным признакам обозначаемого словом предмета или факта» [1, с. 6 – 7].

При такой интерпретации семантики попытки разграничить логическое понятие, обозначаемое словом, и лингвистическое значение слова обычно сводятся к разграничению научных и соответствующих лексическим значениям наивных понятий (Л. В. Щерба, Ю. Д. Апресян, С. Д. Кацнельсон и др.), еще одно отличие определяется присутствием в ряде значений коннотативных признаков, отсутствующих в понятии, и т.п. Однако природа значения и понятия в данной парадигме рассматривается как совпадающая, тождественная, как отражение признаков явлений окружающего мира.

В основе структуральной модели лежит семиотический подход, согласно канонам которого язык рассматривается как знаковая система, репрезентирующая (через систему мышления) все многообразие явлений окружающего мира. В рамках этой модели хотя бы относительно четко разграничить язык и мышление трудно, поскольку обе системы представляют собой отражение неязыковой действительности.

Традиционно понятие рассматривается как лексическое значение слова тогда, когда входит в одну систему с другими языковыми знаками, обуславливается ими. Классическим примером является прием, призванный продемонстрировать зависимость лексического значения слова от лексической системы языка путем определения лексического значения (значимости, по Ф. Соссюру) посредством соотнесения признаков значения с признаками значений слов, входящих в ту же парадигму. Так, в лексико-семантической группе ГОРА, ПРИГОРОК, ХОЛМ, СОПКА... слово ПРИГОРОК, например, приобретает в лексическом значении признаки «возвышенность небольшого размера» (благодаря оппозиции ПРИГОРОК – ГОРА), «с любой формой склонов» (оппозиция ПРИГОРОК – ХОЛМ), «расположенная на любой территории» (оппозиция ПРИГОРОК – СОПКА) и т.д. Однако в конечном счете речь идет о сопоставлении признаков, фактически не имеющих отношения к языку, здесь сопоставляются признаки явлений действительности, рассматриваемые как лингвистически репрезентированные, т.е. «отраженные» в языке.

Таким образом, тезис о единстве языка и мышления в структурализме превратился в констатацию тождества этих систем. Понимая язык, мышление и действительность как отражающие друг друга системы в рамках семиотики, отражение действительности (или саму действительность) лингвисты рассматривают как содержательную сторону языковых единиц. Системные связи между лексическими единицами – это по существу системные отношения между классами предметов (в широком смысле слова), т.к. обусловленность лексического значения парадигматической системой языка – это обусловленность предметно-понятийных признаков.

Отождествление мыслительных и языковых категорий не может не проявиться при разграничении языковой и дискурсивной семантики. В известной работе А. И. Новикова «Семантика текста и ее формализация» [9] разделяется внешняя и внутренняя форма текста. Внутренняя форма приравнивается к дискурсивному содержанию, под внешней же формой понимается язык – «совокупность языковых средств, включая их содержательную сторону ... Это то, что дано непосредственному восприятию и что должно быть осмыслено и понято» [9, с. 5]. Прежде всего вызывает сомнение утверждение о непосредственном восприятии языковых значений (содержательной стороны языковых средств) наряду с непосредственным восприятием материи единиц языка. Термин «восприятие» употребляется в этом случае не в строгом значении. Очевидно, «внешняя форма», по А. И. Новикову, включает и единицы плана содержания – языковые значения, которые в рамках внутренней формы (содержания текста) достаточно сложно соотносятся с мыслительными образованиями, в частности – с понятиями, и, будучи абстракциями, непосредственно восприниматься не могут.

Отражение действительности в слове не более чем лингвистическая метафора, которая чаще всего понимается лингвистами буквально. Процесс мышления рассматривается психологами и физиологами как процесс образования сложных временных связей между мозговыми концами анализаторов. Деятельность отдельных участков коры всегда детерминируется внешними раздражениями, образующимися при одновременном возбуждении этих участков коры.

Эти закономерно вызываемые внешними раздражителями связи и составляют физиологическую основу процесса мышления [16].

Мышление, по И. П. Павлову, представляет собой ассоциации и цепи ассоциаций. Рождение мысли есть не что иное, как появление ассоциации (см. [11]).

С функциональной точки зрения, внутриязыковая семантика и семантика как некий смысл текста, текстовое содержание представляют собой различные, но в то же время тесно связанные системы [14]. Причем обе эти системы предстают как системы динамические, т.е. как системы, включающие в себя конкретные психические образования – образы и абстрактные законы оперирования ими, т.е. связи, переходы. Природа переходов от одного образа к другому в любой из этих систем одинакова, она носит условно-рефлекторный характер (М. Н. Правдин), из этого следует, что специфические свойства систем следует искать в области конкретного, т.е. системы различаются характером связываемых образов. В области языка такие связи устанавливаются между вербальными образами, т.е. отражением формы слов – определенных последовательностей букв и звуков. По существу это и есть внутриязыковая семантика, семантика в узком смысле слова.

Второй уровень, формирующий содержательную структуру дискурса, представляет собой «предметные» образы и связи между ними, т.е. отражение явлений внеязыковой действительности, «предметного» мира. Этот уровень в отличие от языкового может быть назван образно-понятийным (мыслительным). Основанием для разделения этих уровней как относительно самостоятельных систем является принципиальное отличие законов оперирования словами (вербальными образами) в рамках определенной языковой системы и законов оперирования «предметными» образами в сфере мышления. Владение этими законами есть не что иное, как знание языка (семантика в узком смысле слова) и знание действительности. Отдельное слово в динамическом аспекте само по себе не является коммуникативной единицей, если не выступает в функции дискурса и в строгом смысле слова лишено значения, которое проявляется лишь в системе языковых единиц, в частности в их сочетаемости. Выделенные уровни являются обязательными в содержательной структуре дискурса, тесно взаимодействуют, в разной степени совмещаются друг с другом, но в то же время остаются принципиально различными. «Значение слова не передается, и повторенное ребенком слово до тех пор не имеет для него смысла, пока он сам не соединит с ним известных образов, не объяснит его восприятиями, составляющими его личную, исключительную собственность». [12, с. 146]. Восприятие-понимание речи рассматривается А. А. Потебней как «создание известного содержания в самом себе по поводу внешних возбуждений. Понимание другого человека происходит «от понимания самого себя» [13, с. 42].

Покажем на примерах двух словосочетаний особенности взаимодействия языкового и образно-понятийного уровней структуры содержания: НИТЬ ШЕЛКА, НИТЬ СОБЫТИЙ (Б. Л. Пастернак). На уровне оперирования вербальными образами (на собственно языковом уровне) в сознании воспринимающего осуществляется «переход» от одного вербального образа к другому, словосочетания воспринимаются как правильные, поскольку они состоят из реально существующих в русском языке слов, сочетаемость которых не запрещена языком ни на грамматическом, ни на лексико-семантическом (в узком смысле) уровнях. Словосочетания построены по частотным и регулярным моделям генитивных конструкций. Вербальные образы генерируют в сознании реципиентов «предметные» образы. В первом словосочетании «переход» от одного «предметного» образа к другому на образно-понятийном (неязыковом) уровне возможен, поскольку у воспринимающего сформировано представление о нити, которая сплетена из шелка (неязыковые знания). В метафорическом сочетании такой «переход» невозможен, поскольку он противоречит знаниям о мире. Для осуществления такого перехода необходимы дополнительные ассоциации, промежуточные «предметные» образы, которые позволят осмыслить словосочетания. В первом примере «переход» осуществляется от одного компонента словосочетания к другому одновременно и на языковом, и на образно-понятийном уровнях, поскольку языковые связи совмещаются с неязыковыми, что, видимо, и является

одной из причин их отождествления. Во втором примере такого «наложения» нет, один тип отношений четко противопоставляется другому. Как видим, языковые и образно-понятийные связи могут в разной степени совмещаться, причем не только в пределах словосочетания, но и в рамках дискурса.²

Семантика, понимаемая узко, как языковые законы оперирования вербальными образами, имеет свою внутреннюю структуру, которая определяется выделяемыми уровнями языковой системы, прежде всего грамматическим и лексико-семантическим. Различие между этими уровнями заключается, в частности, в объеме связываемых единиц. Если грамматические законы объединяют в системы классы вербальных образов (например, закон согласования в категории рода), то лексико-семантические законы представляют собой правила оперирования отдельными конкретными лексемами. Таким образом, собственно языковое значение проявляется в сочетаемости, регулируемой языком. Другая черта специфики лексико-семантической системы заключается в том, что связи между отдельными лексическими единицами в коммуникативном акте регулируются не только языком, т.е. на лексико-семантическом уровне языковые законы взаимодействуют с законами, действующими на образно-понятийном уровне.

Типология значений, рассматриваемая в функциональном аспекте, – это типология связей между вербальными образами. Так же, как и в структуральной парадигме, основными типами значений являются грамматические и лексические значения, однако их сущность в функциональной парадигме проявляется по-иному. Традиционно основное различие между лексическим и грамматическим значениями сводилось к различной природе обобщения. Если в грамматическом значении обобщаются свойства слов, т.е. лингвистических единиц, то в лексическом значении обобщены свойства явлений действительности. В функциональной парадигме природа различного типа значений как связей, переходов, законов является неизменной, различны лишь причины возникновения этих связей, средства их мотивации. Если грамматические связи (значения) порождаются как формальные основания соединения в сознании говорящего и слушающего вербальных образов, обусловленные отношениями между классами лексем, то лексические связи в большей мере индивидуализированы и зависимы от связей между соответствующими «предметными» образами, но не тождественны им. Грамматические значения не определяются (или в меньшей степени определяются) связями «предметных» образов, хотя в отдельных случаях порождены ими. Например, грамматические связи на уровне одушевленности в известной степени порождены связями с предметным образом «живого». Имеющая место, хотя и проявляющаяся в разной степени зависимость связей вербальных образов на грамматическом и лексическом уровнях с системами связей «предметных» образов объединяет грамматическое и лексическое значения. Вторым фактором, объединяющим их, является совпадающая природа их связи, одинаково проявляющаяся в случае с грамматическими и лексическими значениями. Отмеченное совпадение позволяет в качестве критерия разграничения этих типов значения использовать критерий остатка. К лексической семантике относятся правила оперирования словом, не относящиеся к грамматике. Например, в словосочетании ПОТУПИТЬ ПИСЬМО В ЯЩИК нарушены законы семантики слова ПОТУПИТЬ, в частности ее фразеологически связанный характер. Нарушены неграмматические законы сочетаемости, в которых проявляется семантика, следовательно, это нарушение носит неграмматический характер и может быть отнесено к сфере лексической семантики.

Вторым следствием отмеченного совпадения является нечеткость разграничения этих типов значения, отношения переходности между ними. Эти же отношения имеют место и при структуральном анализе. Словосочетание РЖАНОЕ ХЛЕБО может рассматриваться как содержащее лексическую ошибку (используется не существующее в языке существительное среднего рода), так и содержащее грамматическую ошибку: нарушены грамматическое представление мужского рода.

Лексическое значение, как уже отмечалось, больше связано с конкретными вербальными образами, а не с целыми классами вербальных образов. Деформация вербального образа (употребление лексической единицы, которой нет в языке) не приводит к исчезновению или деформации грамматического значения, о чем свидетельствует известный пример

² Подробнее см. об этом в [17], [10]

Л. В. Щербы «Глокая куздра...», в котором грамматические связи присутствуют, несмотря на то, что соответствующих слов в русском языке нет.

Рассматриваемый таким образом язык сам по себе не является средством коммуникации, его целесообразно рассматривать как оставляющую этого процесса, а единицей коммуникативного акта является дискурс (речь, текст)³.

В языке – относительно автономной системе – значение определяется как правила оперирования именем, в дискурсе (речи, тексте) правила оперирования именем осложняются связями с «предметными» образами. Здесь законы организации языковой системы в большей или меньшей степени «накладываются» на законы оперирования «предметными» образами, т.е. законы мышления. Следовательно, дискурсивная семантика сложнее языковой, но сложность ее заключается не в увеличении количества однопорядковых по отношению к языковой системе структур, а в участии второй системы, отличной от языковой.

Разграничение традиционной и функциональной теорий, объясняющих природу языкового и дискурсивного значений, – это, по существу, разграничение двух различных моделей языка. Видимо, достоинством функциональной модели является ее большая близость к моделируемому объекту, которая достигается за счет большего учета экстралингвистических данных о процессе коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян // Избранные труды, т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
2. Вернике К. Die neueren Arbeiten über Aphasie (Новые работы по афазии) / К. Вернике. — Берлин: Fortschritte der Medizin, 1885. — P. №3. — с. 824-830.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Комкнига, 2007. – 352 с.
5. Маклаков А. Г., Общая психология / А. Г. Маклаков. — СПб.: Питер, 2001. — 592 с.
6. Матвеева Н. В. Механизмы формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (на материале анализа вторичных письменных текстов школьников 12-16 лет): Автореф. дис... канд. филол. наук (10.02 19 – теория языка) / Н. В. Матвеева. – Уфа, 2004. – 21с.
7. Мюллер М. Лекции по науке о языке. Пер. с англ. / Макс Мюллер. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 314 с.
8. Невзглядова Е. В. Явление семантического осложнения в поэтической речи / Е. В. Невзглядова. — Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1969. — Т. XXVIII. — С. 141–154;
9. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
10. Оробинская М. В. Русская рок-поэзия: моделирование глубины текста / М. В. Оробинская: Дис... канд. филол. наук. – Харьков, 2015. – 279 с.
11. Павлов И. П. Избранные труды по физиологии высшей нервной деятельности / И.П. Павлов. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1950. – 264 с.
12. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Харьков, 1892. – 235 с.
13. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I, II. / А. А. Потебня. – М., 1958.
14. Правдин М. Н. Анализ содержательной структуры текста / М. Н. Правдин // Сб. научн. трудов / МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 91 – 102.
15. Правдин М. Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке / М. Н. Правдин. – М.: Вдохновение, 1991. – 231 с.
16. Середина Н. В., Шкуренко Д.А., Основы медицинской психологии: общая, клиническая, патопсихология / Н. В. Середина, Д. А. Шкуренко. – Ростов н/Д: «Феникс», 2003. – 512 с.
17. Степанченко И. И. Поэтический язык С. Есенина. Анализ лексики / И. И. Степанченко. – К.: Українське видавництво, 1991. – 193 с.

³ Проблема дифференциации дискурса, текста и речи не затрагивается в данной статье

18. Степанченко И. И. Функционализм как альтернативная лингвистическая парадигма / И. И. Степанченко. – Киев: «Українське видавництво», 2014. – 200 с.

19. Флейвелл Д. Х., Генетическая Психология Жана Пиаже. Пер. с англ. / Д. Х. Флейвелл. – Москва: Просвещение, 1967. – 623 с.

(Статья поступила в редакцию 12 сентября 2015 г.)